

УДК 929

**ПРОФЕССОР МАМАЙХАН АГЛАРОВИЧ АГЛАРОВ.
ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО
(К 80-летию со дня рождения)**

М.М.Магомедханов

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

mkhan@yandex.ru

27 марта 2015 г. исполняется 80 лет со дня рождения Агларова Мамайхана Агларовича, человека, в котором сочетаются лучшие качества дагестанского мужчины и талантливого ученого. Им гордятся повсеместно на Кавказе. Дружбы с ним удостоиваются только светлые люди, потому что он сам такой. Общение с ним считается в интеллектуальных кругах России и Мира за честь. Ему доступны кафедры известных университетов мира и самые престижные международные научные форумы. Его называют в числе выдающихся этнографов и культурных антропологов Кавказа, России, Мира.

Родился М.А. Агларов 27.03.1935 г. в с. Ашали Ботлихского р-на ДАССР. В 1958 г. окончил ДГУ, прошел аспирантуру ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР и стажировку в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР.

С 1961 г. он работает в Институте истории, языка и литературы (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН). В МГУ защитил кандидатскую («Андийская группа народностей в XIX – нач. XX в. историко-этнографическое исследование» (1967) и докторскую «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в.» (1986) диссертации.

М.А. Агларов входит в экспертную комиссию по законодательству РД; Президиум Ассоциации этнологов и антропологов России; международную комиссию по национальным меньшинствам (Марибор, Словения); международную комиссию по обычному праву (Амстердам, Нидерланды). Он также входил в Конституционную комиссию РД, участвовал в создании первой Конституции Республики Дагестан; являлся членом Координационного центра при Президенте РД по формированию гражданского общества; экспертом общественной палаты РД (по проблемам самоуправления); членом Экспертного совета при НС РД. С 1994 г. по н. время – профессор ДГУ. Преподавал в Будапештском (1982) и Карловском (Прага, 1996) университетах.

Доклады М.А. Агларова на международных всероссийских и региональных научных форумах [Сегед (1975), Будапешт (1980, 1982, 1997, 1999, 2004), Загреб (1988), Надьяд (Румыния, 1999), Братислава (1991), Марибор (Словения, 1992), Форли (Италия, 2002); Санкт-Петербург (2006); Баку (2005); Батуми (2006, 2008); Тбилиси (2008), Ереван (2010), Махачкала 2007) и др.] отличаются новизной проблем и методов их разработки и неизменно получают высокую оценку коллег.

С именем М.А. Агларова связан кардинальный пересмотр догматических взглядов на общественно-политический строй, социальную структуру, этническую историю Дагестана. Современное этнографическое кавказоведение невозможно представить без обращения к трудам М.А. Агларова, выдающегося этнографа-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Республики Дагестан (1995) и Российской Федерации (2005).

В кругу отечественных и зарубежных историков и этнографов М.А. Агларов известен как автор фундаментальных научных исследований взаимоотношений форм хозяйствования, социальных и этнических структур в условиях политического многообразия. Ему принадлежит принципиально новая научная интерпретация феномена сельской общины Дагестана как гражданской общины полисного типа, фундаментальные исследования генеза террасного земледелия в Дагестане, вопросов этногенеза, причин языковой дивергенции и конвергенции как следствие культурной реакции на формы политической организации. Из зарубежного опыта работы М.А. Агларова широкой известностью пользуется сделанное им в Йемене (Хадрамаут) открытие почвозащитной системы искусственных оросительных сооружений.

В последние годы М.А. Агларов успешно разрабатывает проблемы эволюции сельской общины в советский и постсоветский период, перспектив использования дагестанских традиций гражданского самоуправления в целях формирования в республике гражданского общества.

Профессор М.А. Агларов автор около 250 научных работ, опубликованных в ведущих отечественных и зарубежных академических изданиях, 11-ти монографий, в том числе: *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начало XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса)*. М.: Наука, 1988. – 240 с.; *Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане*. – Махачкала, 1998 (98 с.); *Андийцы: историко-этнографическое исследование*. – Махачкала, 2002 и др.

Публикации М.А. Агларова, его рекомендации по использованию традиций правовой и политической культуры народов Дагестана, исторического опыта гражданского самоуправления сельских общин актуальны и востребованы законодательными и исполнительными органами власти Республики Дагестан. Как член экспертной комиссии по законодательству РД он принимает участие в законотворческой и общественно-политической жизни республики. Из новейших разработок М.А. Агларова следует выделить серию его публикаций, раскрывающих феномен межэтнической толерантности дагестанцев. В сферу его научных интересов входит исследование хозяйственного освоения горно-долинной зоны Дагестана в контексте специфики социальной самоорганизации сельских общин данной зоны.

Становление советской этнографии в Дагестане проходило под сенью идей М.М. Ковалевского и М.О. Косвена (*Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы*. – М., 1961; *Семейная община и патронимия*. – М., 1963.) о родовой сущности дагестанского тухума («патронимии»), о пережиточном, «патриархально-родовом» состоянии семейных («большая семья») и низком, «доклассовом» уровне общественных отношений.

Школа этнографического кавказоведения М.О. Косвена особое внимание уделяла поиску в исчезающей и живой этнографии Дагестана признаков и пережитков первобытно-общинной формации, патриархально-родовых, родоплеменных отношений. Для описания социальной организации и образа жизни кавказских народов исследователи широко пользовались понятийным аппаратом, сформировавшимся в европейской этнографической науке в результате изучения американских индейцев, аборигенов Австралии и Полинезии, папуасов Новой Гвинеи,

африканских и др. племен. Это было модно в конце XIX в. Более того, свойственные этим племенам этнографические реалии (тотемизм, шаманизм, анимизм, клановая организация и т.п.) приписывались дагестанским народам.

Аргументация существования в Дагестане вплоть до новейшего времени пережитков патриархально-родовых отношений строилась на фактах яркой выраженности у дагестанцев родственной солидарности, на признании наличия таких признаков патриархальщины, как «тухумная», «клановая» организация» (в первобытном значении этого термина). При этом дагестанский тухум отождествляли с патронимией и представляли его как архаичную структуру, соответствующую родоплеменной стадии формационного развития дагестанских народов. Даже обычаи гостеприимства и взаимопомощи (не говоря уже о кровной мести и «закабалении» горянки) рассматривались как «пережитки патриархально-родового строя».

Многие годы историки и обществоведы должны были сообразовывать свои исследования с методологией, которая настаивает на вторичности сознания и неизбежности формационной теории развития общества. Вопреки этому, кавказоведы установили, что этническая дробность Дагестана детерминирована не экономической замкнутостью и географической изолированностью, а культурной реакцией на многообразие форм политической самоорганизации общества (М.А. Агларов); что на Кавказе различия в уровне производственных отношений уживаются с общностью технических навыков в производстве и многих элементах надстройки (Л.И. Лавров); что «де-феодализация» является признаком развития, а не регресса социально-экономических отношений (М.А. Агларов).

Среди кавказоведов шли дискуссии относительно рассмотрения социальных отношений у народов дореволюционного Дагестана в критериях классических (восточной и европейской) или новаторской («горский феодализм») моделей феодального строя. Было приложено немало усилий, чтобы подогнать под универсальные формационные модели дагестанскую действительность. Одни искали и находили в Дагестане «феодализм без феода»; другие показывали наличие достойных исторических и культурных традиций, древней письменности и литературы, кодексов законов, судов, собраний, выборов, т.е. свидетельства высокого уровня культуры и правосознания дагестанских народов; третьи аргументировали «вековую отсталость» народов Дагестана ссылаясь на примитивное сельское хозяйство, патриархальный быт, религиозный фанатизм, «хищничество», отсутствие письменности и достаточного числа феодалов, государственности и т.п.

Л.И. Лавров, учитель, друг и единомышленник М.А. Агларова, еще в 1975 г. выдвинул тезис о том, что: «Существовавшие в некоторых «вольных обществах» порядки не были пережитком первобытнообщинных отношений» (Лавров Л.И., 1975. С. 7–8). Однако и этот принципиальной важности вывод ученого, как и исследования М.А. Агларова, в которых содержится анализ общественного устройства дагестанских «вольных обществ», обосновывается несостоятельностью их интерпретации в контексте первичной фазы феодальной формации, доказывается, что общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерации «вольных обществ» и т.д.) и в таком качестве встали вровень с «феодальными образованиями», что самоуправляемая гражданская община (полис) – одно из самых высоких достижений социального и политического развития... – основан на частной собственности на землю при коллективном владении территориями, – оставались до недавнего времени непризнанными апологетами теории «военной демократии» и классовой борьбы как «главного двигателя социального прогресса».

Монография М.А. Агларова «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начало XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса)», является всесторонним исследованием горно-дагестанской общины-джамаата как универсальной формы общественно-политической организации горцев Дагестана до его присоединения к России.

В книге дан анализ организации экономики, социальных структур, права, форм самоуправления гражданской общины в горном Дагестане. По основополагающим признакам горно-дагестанская община-джамаат, как показано в книге, повторяет схему устройства гражданской общины-полиса античного мира. Автором исследованы территориальный строй и земельные отношения в Нагорном Дагестане, их изменения в исторической перспективе. На множестве примеров показано, что территория джамаата до XIX в. не просто была пространством жизнеобеспечения, а являлась сформировавшейся в юридическом смысле собственностью общины, которая (как категория) вводилась в различные правовые уложения, охранялась. Каждая

территория граничила с соседними, а та, в свою очередь, со следующей и т.д., образуя своего рода ассоциации или «мозаику» общинных (джамаатских) территориальных владений, которые соответствовали и политической организации дагестанского общества. Части территорий иногда арендовались малоземельным общинам, и часто отчуждались в пользу других общин или лиц, как плата за кровь. Однако ни духовенство, ни выбранные правители не имели ни юридических, ни фактических прав и привилегий по отношению к территории или к доходам от общей земли, которые распределялись между членами джамаата. Каждый отдельно взятый член общины являлся совладельцем всей территории и одновременно был частным собственником своей пахотной земли, сенокосов, иногда куска леса, домостроения и другого имущества, редко пастбища, которое в целом находилось в совместном (общинном) владении и пользовании. Во владельческих правах, которые превращали членов такой общины одновременно в ее суверенных правителей, в механизме выборов во властные структуры и заключалась природа старинных дагестанских гражданских общин. По утверждению автора, территория как категория юридического сознания имела обратное воздействие на всю общественную структуру малых и больших политических образований (единиц), сложившихся в Дагестане (союзы сельских обществ), на организацию общинами своих территорий с расчетом на хозяйственную автаркию, которая присутствовала всюду, где только возможно, и корректировала в целом хозяйственно-экономическую жизнь. Обоснован тезис о том, что проблема перенаселенности Нагорного Дагестана в историческом прошлом решалась путем интенсивного ведения земледелия и скотоводства, специализации отраслей хозяйства, развития ремесел, торговли, т.е. практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи. Установлено, что важнейшим из условий достижения такого оптимума в хозяйстве и демографии в Дагестане было формирование территорий как объектов собственности в юридическом смысле и их корректная организация для размещения инфраструктуры экономики. Развивая эту мысль, автор отмечает, что хозяйственная деятельность сельской общины в течение многих тысячелетий видоизменила ландшафт Горного Дагестана. Террасирование полей приняло повсеместный характер и огромные масштабы. Территория стала собственностью общин, союзов общин и феодальных образований. Вся территория воспринималась обществом и существовала в правосознании как юридическое свойство, укрепляла гражданское сознание каждого из совладельцев территории. Такие естественно-культурные комплексы, как террасированный мегъ, будучи результатом деятельности общины, в то же время диктовали, закрепляли и консервировали структуру общины, превратив последнюю в по-своему законченную, отработанную, но мало податливую новым переменам систему. По мнению ученого, одной из особенностей законов сельских общин Горного Дагестана, вытекающей из полноты права владения джамаатом территориями, была экстерриториальность – на своей земле община соблюдала правовой иммунитет чужаков и их имущества, не распространяя на них действия местных законов. «Территория» как юридическая категория вошла в различные уложения в значении ограниченного пределами джамаата правового поля, в котором имели или теряли силу те или иные пункты правовых норм. Охрана жизни, чести и имущества лиц, оказавшихся на чужой территории, закреплялась в законах сельских общин и их федераций.

В книге содержится обстоятельный анализ политической культуры, своеобразие которой автор объясняет, исходя из природы социальной организации, основу которой составляла гражданская община как форма социального и политического устройства «Восточного Кавказа до начала XIX века. Общества-джамааты, вступив в союзы, образовывали «вольные общества», которые, за исключением отдельных, чисто феодальных и управляемых феодалами, оказались охвачены этими союзами, которые были спаянными на основе и на условиях общности территориальных владений и соблюдения общинного права, кодифицированного отдельно для всей федерации «вольных обществ» в целом и для каждого из союзов.

Социальные отношения в общине характеризовались сословным членением, частной земельной собственностью членов общины и общественной собственностью как условиями членства в общине. Характерны были также постоянство и стабильность брачных кругов, прежде всего в пределах отдельных джамаатов (обществ), что диктовалось строжайшими запретами на переход земельной собственности из джамаата, неизбежный при перемещении лиц, являвшихся собственниками земли, при браке.

Административное управление и организация власти в общинах были однотипны, но имели две разновидности. В общинах, состоявших из малых поселений, разбросанных на большой территории, общеполитическое руководство осуществлялось родовой знатью по наследству, в ее распоряжении находились исполнители и старшины в поселениях. В таком случае выделялся

отдельный политический центр «вольного общества», где и была сосредоточена власть. В урбанизированных общинах и их союзах преобладали «демократические» принципы (ежегодная выборность и сменяемость правителей) и федеративный характер объединения общин («вольные общества» Гидатль, Андалал, Андия, Койсубулу и др.).

Судебную власть осуществляли правители и старейшины наряду с кадиями. Законодательная и контрольная функции принадлежали совету старейшин, выдвигаемых без выборов от тухумов и кварталов пожизненно, они также были облечены правом созыва народного собрания – высшего органа власти. Ежегодно избирали правителей («чIухIби»), кадия, исполнителей («гIелал»), «посредника» между народом и правителями и глашатая («мангуш»), смотрителя полей, распределителя воды, казначея. Совет старейшин назначал ведавшего военными делами («цевехъан»).

Публичная власть была крайне упрощена, ее отправляли больше как гражданскую повинность (несогласных быть избранными в правители принуждали, в случае отказа наказывали крупными штрафами), без специальной оплаты, хотя и предоставлялись определенные привилегии (освобождение от общественных работ и т. д.). Во всех случаях наибольшей силой и влиянием пользовались крупные и знатные тухумы, которые вершили дела и навязывали волю всему обществу.

Особое место в структуре общины занимали тухумы, на которые непременно делилась правящая часть (феодалная или узденская) общины. Бесправная райятская и лагская части до освобождения к середине XIX в., а также пришельцы не имели права организации своих тухумов. Установлено также, что тухумное деление являлось скорее структурным элементом консервативной общины, нежели непреодоленным пережитком родового строя, что тухумное деление дагестанской общины – явление, несколько отличное от тейпового деления северокавказского мира, что тухумы, в отличие от северокавказских фамилий, не были экзогамны и обширны, а прерывались общинами и потому были многочисленны. Отцовская линия происхождения как условие принадлежности к тухуму (наряду с получением членства через прием в тухум) дополнялась родством со стороны женщин, пришедших в тухум из другого тухума, создавая тем самым перекрестные линии родства по всей общине, но строго по сословиям. Исполнительно-регулирующая функция тухумов в области уголовного и семейного адатного права была настолько исчерпывающей, что официальные исполнители занимались больше хозяйственной и политической сферами. Помимо исполнительных функций, тухум и его подразделения обладали правом выдвижения своих представителей в совет старейшин.

Разрушение тухумного строя обошлось бы общине усилением публичной власти, сосредоточением общественных богатств в руках правителей и т. д.

Самодовлеющие общины, целиком автономные как полисы (первая ступень) или сложившиеся в «вольные общества» (вторая ступень), федерации «вольных обществ» (Акуша-Дарго), иногда с ханской, феодалной, но ограниченной властью (третья ступень) и, наконец, союзы федераций «вольных обществ» уже на «внешнем праве» (четвертая ступень), «нарушаемом» постоянными обязательствами и договорами, охватывающими весь Горный Дагестан, – уникальное общественно-политическое состояние Дагестана, привлекающее к себе внимание исследователей уже два столетия.

Джамаат, если он был связан с другими, не был целиком самодовлеющей общественно-политической системой (за исключением отдельных случаев). Полный суверенитет отдельного джамаата реализовался через союз, т.е. «вольное общество», куда он входил на равных, «федеративных» началах. На этом, следующем уровне процесс культурной и языковой дифференциации между отдельными политическими образованиями усугублялся до полного этнографического эффекта. Другими словами, глубокое и длительное состояние политической раздробленности, местами до мельчайших (одноаульные) единиц – отдельных джамаатов, явилось основной причиной этнокультурного размежевания дагестанского общества.

Если каждая политическая единица, малая или большая, в отдельности стала полем этнической интеграции, то в совокупности они являлись полями этнической дифференциации.

Глубина этнической дифференциации соответствовала степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы – вступал в силу некий принцип коррекции, констатацией которого мы здесь ограничимся.

В полиструктурной политической системе этнокультурные процессы протекали в расчлененном виде, одновременно как двуединый процесс интеграции и дифференциации: интеграция охватывала всю систему, дифференцирующая часть раскладывалась по каждому из звеньев и частей общеполитической системы. В этой системе, открытой для глубокого

культурного взаимодействия, культура видоизменялась в частях системы, создавая в каждой из них не различные, а различные типы культур.

По заключению М.А. Агларова, вековая загадка кавказоведения – этнолингвистический плюрализм Дагестана – находит свое объяснение в этногенезе, последовавшем за политогенезом, как феномен культурной реакции на формы политической организации общества.

Как видно из вышеизложенного, в книге «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.» обосновано новое в кавказоведении положение о гражданской общине типа полиса, функционировавшей в Нагорном Дагестане до начала XIX в. Все вопросы рассмотрены на академически выдержанных принципах доказательности и строго фундированы. Отметим и то, что книга рекомендована как обязательное пособие для юридического и исторического факультетов Дагестанского госуниверситета.

В работах «Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане»), «Современные параллели в древнем этночленении в Дагестане // «Алародии» (Махачкала, 1995) М.А. Агларов выдвинул и обосновал новую и продуктивную, как это признается крупными специалистами, концепцию о причинах и условиях этноязыковой дивергенции на Восточном Кавказе, одного из уголков земли. Она убедительно объясняет этноязыковое дробление, что дает возможность обозначить новые подходы к этногенетическим проблемам. Эти положения были апробированы в докладах и материалах различных научных форумов, в частности на XII Всемирном конгрессе этнографических и антропологических наук в Загребе (1988 г.), в публикациях в журнале «Советская этнография и т.д.

Научные статьи и доклады М.А. Агларова. в большей степени носят междисциплинарный и всегда новаторский характер. Так, феномен террасного земледелия, обычно воспринимаемый в Дагестане как результат приложения огромного труда земледельца в условиях гор, он рассмотрел с совершенно иных позиций: дал их типологию, вскрыл технологию производства, обосновал датировку, охарактеризовал как реплику великой мировой террасной системы – «золотого пояса» древних цивилизаций от Китая до Мезоамерики («Террасное земледелие в зоне доместикации растений». – Махачкала, 1972; «Террасное земледелие Дагестана // Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы». – София 1986 и др.). Работы Агларова М.А. на эту тему получили признание европейских исследователей террасной культуры народов мира. Как участник Советско-йеменской экспедиции 1989 г. в Хадрамауте он, изучая древнюю ирригацию, впервые обнаружил и описал гигантскую почвозащитную систему погребенных искусственных сооружений, позволившей древним ирригаторам «экстраполировать» плодородные лессовые наносы, на верховьях речных долин.

Будучи профессором кафедры Истории и теории культуры Дагестанского Госуниверситета им подготовлены и читаются курсы на разных факультетах, спецкурсы «Этнокультура народов Дагестана»; «Традиционная правовая и политическая культура народов Дагестана», «Местные сообщества».

Агларов М. А. имеет своих последователей и учеников, уделяет внимание аспирантской подготовке. Среди защитивших диссертации один доктор и три кандидата наук.

В кругу кавказоведов, отечественных и зарубежных этнологов и культурологов М.А. Агларов известен как в высшей степени компетентный и талантливый ученый. Его имя и труды золотыми буквами вписаны в историографию Кавказа.